

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ВОЗРАСТНАЯ СТУПЕНЬ СТАРОСТИ

Из всех возрастных ступеней старость представляет собою последнюю и, вместе с тем,—наивысшую ступень. Группа сверстников достигала в ней наивысшего социального положения—«становилась группой старейшин—хранителей законов и традиций общества, обладая законодательной властью»¹.

Конкретные границы данного возрастного объединения мужчин у армян определяются довольно четко: в него входили старики (и соответственно—старухи) приблизительно от 55—60 лет и старше, где колебания в несколько лет (младше или старше) в расчет уже не принимались.

Эта нижняя граница—на рубеже после 50 лет—выявляется на основании указанных выше полевых материалов и многочисленных этнографических описаний отдельных областей Армении в журнале «Азгагракан хандэс»; подтверждаются они и данными словарей армянского языка², а также рядом постановлений и капонов армянской церкви, относящихся к раннему средневековью³. Возраст после 50 лет является тем своеобразным рубежом, который отделяет ступень старости от предыдущей возрастной ступени—зрелости. О верхней границе данной ступени говорить практически не приходится, поскольку она связана с пределом жизни каждого человека в отдельности и прерывается его смертью.

Подчеркнем, что конкретные возрастные границы—старше 50 лет—определяются для ступени старости не только у армян, но и у тех народов, которые также сохраняли пережиточные формы половозрастной дифференциации общества. Так, у нингушей имеются специальные термины для обозначения ста-

рика (соответственно—и старухи) в возрасте 60—80 лет. Возраст от 50—55 лет и выше определяется для группы стариков и старух и у ряда среднеазиатских народов, в частности узбеков дельты Аму-Дарьи; у древних персов, по свидетельству Ксенофонта, возраст старцев определен начиная с 52-х лет и т. д.⁴.

Как уже отмечалось, степень активности каждого возрастного объединения в хозяйственно-трудовой деятельности неразрывно связана не только с определенным возрастным цензом, но в значительно большей степени—с его социальной значимостью.

У армян, как и у многих других народов, непосредственное, личное участие стариков в физическом труде было довольно ограничено. Но если в трудовой деятельности детей и подростков оно обуславливалось их малоопытностью и отсутствием необходимых физических данных, то в группе стариков было связано с утратой ими этих данных и, прежде всего,—физической силы, выносливости и т. п. В противоположность всем остальным возрастным группам сверстников старики в силу своих прожитых лет обладали наибольшим жизненным опытом, практикой, соответствующими навыками, знанием тонкостей ведения хозяйства и т. п. Именно поэтому за стариками у армян оставалось общее руководящее начало в организации и осуществлении контроля за всеми работами хозяйственного цикла как отдельной семьи, так и общины в целом. Кроме того, авторитет старика как наиболее умудренного жизненным опытом члена семьи переплетался с авторитетом старшего в доме, что еще более поднимало и укрепляло его не только семейный, но и общественный престиж. Об этом свидетельствует многочисленный материал армянской и русской дореволюционной периодической печати (описания жизни и быта армян иссле-

¹ К. П. Калинская, К вопросу о соотношении функций и структуры системы возрастных групп у галла, стр. 139.

² См. *ՀԲԲ*, т. II; также *ԲՀԼ*, 1749 г.

³ См. Ա. Ղևոնդյան, указ. раб., стр. 47.

⁴ См. Н. Ф. Джавахадзе, указ. раб., стр. 235; К. Л. Задыкина, указ. раб., стр. 162; К. В. Треггер, указ. раб. стр. 73.

двухого периода в «Азиагракан хандэс» (СМОПК-е, «Этнографическом обозрении» и др.), а также исследования ряда советских армянских этнографов (Х. Самвелян, Ст. Д. Лисициан, Э. Т. Карапетян).

За стариком—главой дома—оставалось общее руководство в организации труда среди всех мужчин гердастана. Он заранее распределял всю работу между своими братьями, сыновьями и внуками по принципу старшинства, определял круг работ для каждого из них на следующий день или на несколько дней вперед. Он же решал размеры и сроки закупок различных товаров, необходимых для нужд всей семьи или каждого из ее членов, а также, в случае необходимости,—виды и количество продукции своего хозяйства для продажи⁵.

Весь цикл сельскохозяйственных работ, ухода за скотом, различные вопросы хозяйственной и семейной жизни были под непосредственным наблюдением и контролем старика—главы дома.

При этом бодрый, жизнедеятельный, крепкий старик и сам принимал посильное участие в полевых и прочих работах вместе со своими братьями и сыновьями⁶.

Важно подчеркнуть, что у армян старик пользовался определенными обычаями привилегиями в исполнении некоторых работ, не требующих значительной физической силы, но имеющих особо важное значение для всей последующей хозяйственной деятельности и требующих большого опыта и навыков. К числу подобных функций мужчин старшей возрастной группы относилось их право посева поля семенами. Право это было традиционным, и только в случае полной недееспособности (дряхлости, болезни) или смерти старика оно предоставлялось следующему за ним по старшинству женатому мужчине—его брату или старшему сыну. Нередко посев поля стариком принимал чисто символическую форму: он бросал в землю одну или несколько первых горстей семян, олицетворяя тем самым свое древнее традиционное право, и как бы обеспечивая этим магию плодородия⁷. Все же поле засеивали следующие за ним по старшинству мужчины—его братья, сыновья, племянники. Интересно, что этот обычай в подобной символической форме продолжал бытовать еще в начале XX в. во многих районах Армении, о чем свидетельствуют полевые материалы⁸. Там же, где он к

этому времени уже исчез из реального опыта, память о нем продолжает стойко сохраняться среди лиц старшего поколения даже в настоящее время. Наши информаторы на вопрос «кто раньше засеивал поле?» всегда отвечают: «наши деды» или «наши отцы»⁹.

Старики у армян сохраняли привилегии и в таком важном событии скотоводческого цикла, как первый день вывода крупного рогатого скота ранней весной. «Во многих селениях Гехаркуника, Тавуша, Ванандзора в этот день разбивали яйцо на лбу скота. В одних местах для этого выбирали лучшую скотину, в других же—разбивали на лбу первой вышедшей из хлева скотины; и обряд этот совершал обыкновенно самый старший член семьи»¹⁰.

В виноградарстве, считавшемся у армян традиционным мужским занятием, также сохранились следы традиционных трудовых функций стариков. Как уже отмечалось, весь трудоемкий процесс выращивания винограда, обработки и ухода за виноградниками и т. п. лежал на мужчинах зрелого возраста. Однако подрезка виноградной лозы считалась непременной обязанностью самых старших мужчин. Интересно, что обычай этот в ряде селений Армении сохраняется в быту армян вплоть до настоящего времени¹¹.

Как старейшина гердастана старик-тантер пользовался правом закладки первого камня нового дома (часто уже в символической форме), первым переступить его порог и привлечь к нему огонь¹², правом парения имени поворожденному в семье ребенку и т. п.¹³.

Старики у армян занимали самое высокое положение в семейной иерархии. Старик-дядя занимал главствующее и, вместе с тем, особенно привилегированное положение в гердастане по сравнению со всеми другими мужчинами. Как самый старший по возрасту и умудренный житейским опытом он пользовался почетом и уважением со стороны всех без исключения членов семьи—от малолетних правнуков и внуков до своих взрослых пожилых

Апаран, Спитак, 1971 г., тетр. 1—3; № 106—Нагорный Карабах, 1970 г., тетр. 1, 2, и др.

⁹ См. там же, № 73—Азизбеков, Ехегнадзор, 1972 г., тетр. 2; № 112—Мартун, Варденис, 1977 г., тетр., I, и др.

¹⁰ Ю. И. Мкртумян, Формы скотоводства в Восточной Армении, стр. 19.

¹¹ См. АОЭ, № 73—Полевые материалы автора: Азизбеков, Ехегнадзор, 1972 г., тетр. I.

¹² См. б. Լալալան, Զավար, ԱԶ, հ. I, 1896, էջ 289, Բենե, Բուհերի, էջ 146, Խ. Սամվելյան, указ. раб., стр. 169—170, 173—174.

¹³ См. Խ. Սամվելյան, Հայ բնական պատմություն, ԱԶ, հ. XIII, 1904, էջ 119; АОЭ, № 73—Полевые материалы автора: Азизбеков, Ехегнадзор, 1972 г., тетр. 2.

⁵ Ср. Р. Харадзе, Грузинская семейная община, стр. 49.

⁶ См. АОЭ, № 21, Խ. Սամվելյան, указ. рук., тетр. I, стр. 22; тетр. 3; стр. 16; там же, № 66—Полевые материалы автора: Апаран, Спитак, 1971 г., тетр. 3; № 111—Мартун, 1975 г., тетр. I и др.

⁷ См. б. Լալալան, Սիւնի, ԱԶ, հ. III, 1898, էջ 237, Խ. Սամվելյան, указ. раб., стр. 79.

⁸ См. АОЭ, № 66—Полевые материалы автора:

сыновей и братьев, уже имеющих собственных детей. Авторитет деда в семье был непререкаем. Ему принадлежало решающее слово при решении не только хозяйственных, но и всех бытовых и внутрисемейных вопросов¹⁴.

Привилегии его касались и ряда бытовых моментов: нередко для старейшего в доме выделялись отдельные предметы посуды, которыми мог пользоваться только он; во время принятия пищи ему первому подавалась еда и т. п.¹⁵. Он имел свое постоянное, наиболее высокое и почетное место у очага, причем в отсутствие главы дома, как правило, никто из других членов семьи не имел право занимать его место¹⁶. Подчеркнем, что наиболее почетные места отводились старикам не только за едой и в повседневном быту, но и при сборах семьи или всей общины по самым различным поводам, связанным с решением текущих вопросов, а также торжественным или траурным случаям¹⁷.

Высокий престиж возрастной ступени старости—явление практически универсальное в жизни народов самых различных культурно-исторических уровней. У армян, как и многих других народов Кавказа, оно преломлялось сквозь призму традиционных норм обычного права, игравшего значительную роль в армянской действительности в конце XIX—начале XX вв. Нетрудно видеть, что существовавшие в тот период пережиточные формы семейной общины армян накладывали своеобразный отпечаток на характер взаимоотношений между всеми ее членами, на весь распорядок их внутрисемейной жизни, а также организацию их хозяйственно-трудовой деятельности. При этом важно подчеркнуть, что старики сохраняли свое высокое положение в семье не просто в связи с достижением соответствующего возрастного рубежа (как самые старшие из всех мужских членов семьи), но и как бы олицетворяя собою живого непосредственного прародителя данного «азга» (родственной группы) и его связь с очагом—«оджаком» данного дома¹⁸. Как справедливо отмечает Э. Т. Карапетян, о значении старшего в доме довольно красноречиво свидетельствует армянская поговорка «Если дом имеет старшего, его почитай, если нет старшего, положи большой камень и его почитай как старшего»¹⁹. Это же

¹⁴ См. Ы. Լաւրյան, Գանձակի գավառ, ԱՀ, հ. VI, 1900, էջ 286, он же, Բորշլու, ԱՀ, հ. IX, 1902, էջ 255, он же, Մուշ-Տարն, ԱՀ, հ. XXV, 1916, էջ 81.

¹⁵ См. АОЭ, № 45—Գ. Գևորգյան, указ. рук., тетр. 4, стр. 12.

¹⁶ См. там же, № 73. Полевые материалы автора: Азизбеков, Ехегнадзор, 1972, тетр. 1.

¹⁷ См. Ы. Լաւրյան, Բորշլու, ԱՀ, հ. IX, 1902, էջ 79, он же, Վալարիական, ԱՀ, հ. XX, 1910, էջ 187.

¹⁸ См. Ы. Սամվելյան, Հայ բնականական պաշտամունքը, ԱՀ, հ. XIII, 1906, էջ 121, 126.

¹⁹ См. Э. Т. Карапетян, Родственная группа «азг» у армян, стр. 65.

подтверждают и лингвистические данные: у армян глава большого семейного коллестива—старший в доме, старик назывался նախապետ, տանտեր, տան գլուխ, տան ագա, ղաղար («нахпет», «тантер», «таи глух», «таи аваг», «джоджавор») — старший, голова дома, «большак»²⁰.

Высокое положение стариков отражают и сохранившиеся в армянском языке диалектные термины данной возрастной группы²¹. Из многих терминов обозначения стариков, употребляемых армянами в различных историко-этнографических районах, в интересующем нас аспекте можно выделить два наиболее распространенных.

В Апараие, Арчеше, Буланыхе, Багеше, Хое, Хлате, Моксе, Муше, Ване и др. местах стариков, как правило, называют ղըզ («джодж»), буквально старший, старец²². Термин этот, хотя и применяется в значении возрастном («старший из всех по возрасту»), отражает и старшинство по положению, достигаемое в соответствии с этим возрастом. Говоря о мужчине старшего поколения, что он «джодж» или «джодж мард» — старший, старый человек, подразумевают не просто его возраст, но и высокое общественное положение.

Другое распространенное обозначение старика—локальные варианты термина ալևոր («алевор»), бытующие в различных историко-этнографических областях Восточной и Западной Армении: խալևոր («халевор»), հալևոր («һалевор»), հալվոր («һалвор») и т. д.²³. Все варианты этого термина также применялись по отношению к старикам в том же значении, что и «джодж». Примечательно, что при сборе полевого материала женщины старшего возраста своего мужа-старика обычно называют «наш халевор».

В значении старшинства по возрасту и положению по отношению к мужчинам старшего поколения у армян употребляется и термин տարեց («тарец») ²⁴.

Заслуживают внимания также термины սպիտակ մորուք («спитак морук») — «белобородый» (Муш, Вуланых); սպիտակ մորուքիկ

²⁰ См. Ы. Սամվելյան, Հին Հայաստանի կոլլекտիվ, էջ 169.

²¹ Литературной формой обозначения старика, у армян является «տէր», «տէրուհի» («тцэр», «тцэруни»), չԲԲ, т. II.

²² См. там же, т. I. Հր. Անադյան, Հայերեն արմատական բառեր, հ. III, 1977.

²³ См. там же, т. I; Վ. Պետրյան, указ. раб., стр. 494; АОЭ, № 107—Полевые материалы автора. Арагат, 1970, тетр. 1; № 73—Азизбеков, Ехегнадзор, 1972, тетр. 2; № 106—Нагорный Карабах, 1970, тетр. 1—2, и др.

²⁴ См. Հր. Անադյան, Հայերեն գավառական բառարան,

«спитак морукини» (Сасуп)—дословно «белобородый»; *սփրտիկափրտի* «спитакаварс»—«беловласый», «седовласый» (Муш, Ван, Булапых, Сасун и др.)²⁵. Это же понятие седовласого старца передает и термин «ахсахкал», бытующий среди армян Нагорного Карабаха²⁶. У многих народов неотъемлемой частью внешности стариков считается борода и седина волос—олицетворение мудрости и прожитых преклонных лет. Это же наблюдается и у армян, у которых право ношения бороды также приобреталось лишь с достижением соответствующего возрастного рубежа и общественного положения; молодым людям и мужчинам средних лет постричь бороду не полагалось. В этой связи отметим, что в *Բառարկա Հայկազգիի լեզուի* («Толковом словаре армянского языка», 1749 г.) определены не только конкретные границы ступени старости от 50 до 70 или 78 лет (после чего следует возрастной перепод *զաւարկութիւն* («зарамутюн»)—дряклости), но и указывается, что старость—это тот возраст, когда волосы человека становятся белыми (седыми)²⁷.

Говоря о высокой значимости и престиже самых старших мужчин в семейной иерархии армян, необходимо подчеркнуть, что для конца XIX—начала XX вв. не единичны случаи, когда при сохранении формального главенства за дряхлеющим стариком фактическое руководство семьей переходило в руки одного из его братьев или сыновей. Здесь мы имеем дело с нарушением в исследуемый период традиционного порядка главенства в семье по возрастному признаку: при живом отце (деде) его место занимал один из сыновей или братьев, а в ряде случаев (смерти тантера, отсутствия в семье сыновей или их малолетства)—жена тантера. «тан тикин», старуха-хозяйка дома. Нарушался и сам традиционный принцип старшинства, поскольку место главы дома мог занять не следующий за ним по старшинству, а нередко—и средний из братьев или сыновей как более способный к этому, особенно если он был грамотен, бывал в городе на заработках, занимался торговлей и т. п. Следовательно, нарушение традиционного обычая главенства в семье по возрастному признаку было связано с новыми социально-экономическими условиями, требовавшими большей целесообразности и учета

личных качеств главы постепенно распадающегося в исследуемый период гердастана²⁸.

Не менее весомой была значимость стариков и во внешнесемейной, общественной деятельности, где им принадлежало также первенствующее значение.

Мнение стариков, их многолетняя практика и большой житейский опыт принимались в расчет во всех важнейших событиях хозяйственной жизни не только отдельной семьи, но и всей общины в целом. С их согласия и одобрения начинали запашку поля, его посев, сбор урожая, перегон скота на кочевье, строительство новых жилых и хозяйственных помещений, обращались за разрешением спорных вопросов и т. д. Одновременно тантер как глава дома являлся представителем его во всех внешних сношениях, прежде всего на сельских сходах, собиравшихся для решения различных насущных хозяйственных и общественных нужд сельской общины. Первенство на этих сходах—высших органов общинной воли—принадлежало старцам; более молодые домохозяева большей частью присутствовали лишь в качестве зрителей²⁹. В выборах сельского старшины принимало участие лишь одно лицо мужского пола от каждого «дыма», обычно самый старший в доме³⁰. Старик-тантер выступал также представителем и защитником интересов своего гердастана и при решении различных тяжб или установлении юридическо-правовых норм³¹ и т. п.

Следует отметить, что высокий престиж и главенствующее положение в семье и общественной жизни в исследуемый период характеризовали старшую возрастную ступень не только армян, но и многих других народов Кавказа³².

Высокое положение, занимаемое стариками в общественной жизни, находило у армян свое наиболее яркое проявление в специфической форме мужских объединений данной возрастной группы—собраниях стариков. Обычай этих собраний во многих районах как самой Армении, так и за ее пределами дожил до начала XX в. и, несмотря на пережиточную форму, сохранял ряд своих традиционных специфических признаков. Данные

²⁵ См. *Բնիկ, Բնակիչը*, էջ 146, Վ. Պետրոսյան, указ. раб., стр. 526.

²⁶ АОЭ, № 106—Полевые материалы автора: Нагорный Карабах, 1970 г., тетр. 1—2. Отметим, что термин «ахсахкал» применялся по отношению к старикам, старцам многих народов Кавказа, Средней Азии; М. Ихилов, указ. раб., стр. 95, 98, 122, 173; С. Ш. Гаджиева, указ. раб., стр. 285; Г. П. Снесарев, указ. раб., стр. 197 и др.

²⁷ *ԲՀԷ*, 1749 г.

²⁸ См. Э. Т. Карапетян, Армянская семейная община, стр. 113, 114. В данной работе подробно исследованы основные типы семейной общины армян, отличающиеся как по форме управления, так и по характеру внутрисемейного строя.

²⁹ См. С. А. Егиазаров, указ. раб., т. I, стр. 89.

³⁰ См. Ст. Д. Лисициан, Очерки этнографии дореволюционной Армении, стр. 244.

³¹ См. Խ. Սահլիսյան, указ. раб., стр. 125, 169, 170, 173—174.

³² См. указ. раб. Р. Харадзе, Т. Ф. Ахметовой, М. М. Ихилова, И. М. Саидова, Б. А. Калоева, В. Дж. Итонишвили и др.

о нем в этнографической литературе армян весьма малочисленны, и потому по мере возможности восстановлены нами на основании полевых материалов³³.

Собрания стариков у армян—это прежде всего объединения сверстников, ровесников. Возрастной принцип организации подобных собраний четко прослеживается по полевым материалам, относящимся к самым различным районам расселения армян. Как отмечалось выше, он был характерен не только для объединений стариков, но и холостой молодежи. Из иных возрастных групп к участию в собраниях стариков у армян допускались старшие представители ступени зрелости—пожилые мужчины.

Одним из характерных признаков собраний стариков у армян, четко сохранившемся и в конце XIX—начале XX вв., являлась их сезонность. По единодушному утверждению информаторов из различных районов Армении, собрания эти проводились в зимний период—как правило, с декабря по конец марта, в свободное от полевых работ время³⁴. Перерождаясь в одну из форм проведения досуга, собрания стариков активизировались в пассивный период хозяйственно-трудовой деятельности жизни как всей общины в целом, так и каждой отдельной семьи. Этот факт, на наш взгляд, заслуживает особого внимания, если вспомнить то руководящее и направляющее начало, которое оставалось за мужчинами старшего поколения в организации всех трудовых процессов хозяйственного цикла.

Другим, четко выраженным признаком мужского объединения стариков в исследуемый период являлись строго фиксированные места их собраний. Таким, ставшим уже традиционным, местом собраний стариков в большинстве случаев служила у армян «ода». При сборе полевого материала в ряде селений по памяти информаторов нам удалось восстановить конкретные поименные места собраний данной возрастной группы. Материалы подобного рода отсутствуют в армянской этнографической литературе и в научный оборот вводятся впервые. Так, в Апаранском районе старики до сих пор хорошо помнят, что местами их собраний служили следующие «ода» (в апаранском произношении *хода*, во множественном числе—*ходэк*): в с. Мравян—Торосы, Усепи Мкои, Шабои *ходэк*; в с. Шенаван—Дилои, тарзу (портной) Маркари, Маркари Асои, далакн (цирюльник) Кязи *ходэк*; в с. Вардаблур—Грей Галусты, Сафари Гевори, Алтупы Мушеги, Акопи Алексаны, Погоси Овесы *ходэк*. В с. Цахакавит старики собирались в следу-

ющих местах: Данэнляп, Бесаленц, Саакп Гугераиц, Папоян Сограби, Мидоенц Давиды, Апреиц, *h*Рапаненц, Адаменц *ода*³⁵. Отметим, что «ода», принадлежавшая семейству Папоянов, была построена при отце и деде нашего информатора Балабека Папояпа в 1896 г., о чем свидетельствует надпись на камине—«бухарике» (сам информатор 1895 г. рождения). Эта «ода» в запущенном состоянии (и без крыши) зафиксирована нами во время экспедиции отдела этнографии Института археологии и этнографии АН Арм. ССР в 1971 г.

В Ехегнадзорском районе для собраний стариков использовалась «ода» (в местном наименовании «саку») следующих хозяев: в с. Малинка-Микоеиц, Мусоеиц, Сакоенц Бабаи, Мануки, Шахбазоиц Бабаи, Вабджанеиц саку; в с. Гнищик этой же цели служили Меликенц (Саргсян Элигуми), Охапенц (Егоян Охани), *h*Ароенц (*h*Арутюн Тороси), Айрапетян Смбаи, *h*Абетенц, Багдасаренц, Меликенц саку³⁶.

В Мартунинском районе в с. Золакар старики собирались в Тэр Авэци, Аруджа Седракн, Блдои Аракелы, Никогосы, ирицу (иерей) Ованесы, Мартка Сепои, Бедои *ода*, (последняя из перечисленных принадлежала отцу нашего информатора Патвакаиа Погосяна, 1892 г. рождения)³⁷; в с. Дзорагюх того же района—Агабеки, Саргсы, Киракосы, Сафарн, Сарады, Хлгаты, Врсои, Асланы, Овсыга, Тадосы *ходэк*; в с. Верин Гетащен—Шбои, Млкеи, Осои, Хмои, Сфои, Тумасы Агабски, Сукои, теродж Ованэсы *одэк*.

В Вардеписском районе в с. Меш Мазра местами собраний стариков служили: Басени Аруты, Гаспарян Аидеяны, Шабои п Мануки *одэк*; в с. Акунк-Мегри Симаны, Априки Беллны, Мегри Давиды, Авэсы Сипаны, Кден Симоны, Папои, Севои Зограби, Балои Багои, Члгаты Мкои, тертерн *одэк*; в с. Цовак—Аршакн, Арзуманы, Ордои, Амрханы Хачои *одэк*³⁸.

Следует отметить, что «ода» были не у всех, а в основном у более или менее состоятельных хозяев—владельцев определенным поголовьем скота³⁹. Но более характерным в интересующем нас плане являлось то, что старики собирались не во всякой «ода», а

³⁵ См. АОЭ, № 66—Полевые материалы автора: Апаран, 1971 г., тетр. 1—2.

³⁶ См. там же, № 73—Азизбеков, Ехегнадзор, 1972 г., тетр. 2.

³⁷ См. там же, № 111—Мартуни, 1975 г., тетр. 1; № 112—Мартуни, Варденис, 1977 г., тетр. I.

³⁸ См. там же; во всех случаях сохранено местное произношение информаторов.

³⁹ Так, в с. Малинка Ехегнадзорского района, по свидетельству информаторов, из каждых 100 домов «ода» имелись примерно в 20—25; АОЭ, № 73—Полевые материалы автора, тетр. 2.

³³ См. Л. М. Варданян, Пережиточные формы собраний стариков у армян, «*Երևան*», 1972, № 5.

³⁴ См. АОЭ, указ. выше полевые материалы автора.

лишь там, где ее хозяин был уважаемым человеком. С другой стороны, на подобные собрания не допускали стариков, не имевших должного уважения, пользующихся плохой репутацией и т. п.—«для бесчестного, неуважаемого человека не было ни места, ни оды»⁴⁰. Этот принцип собраний стариков у армян, по наш взгляд, является весьма показательным для характеристики данной возрастной группы в целом.

седневной жизни. В исследуемый период специальных общественных строений для собраний каждого из возрастных объединений, в том числе и стариков, у армян не было⁴¹. Армянская «ода» как бы восполняла собою этот пробел. Именно поэтому высока была ее общественная значимость как помещения или места, где на собраниях стариков решались важные вопросы, касающиеся интересов не только данной возрастной группы, но и всей

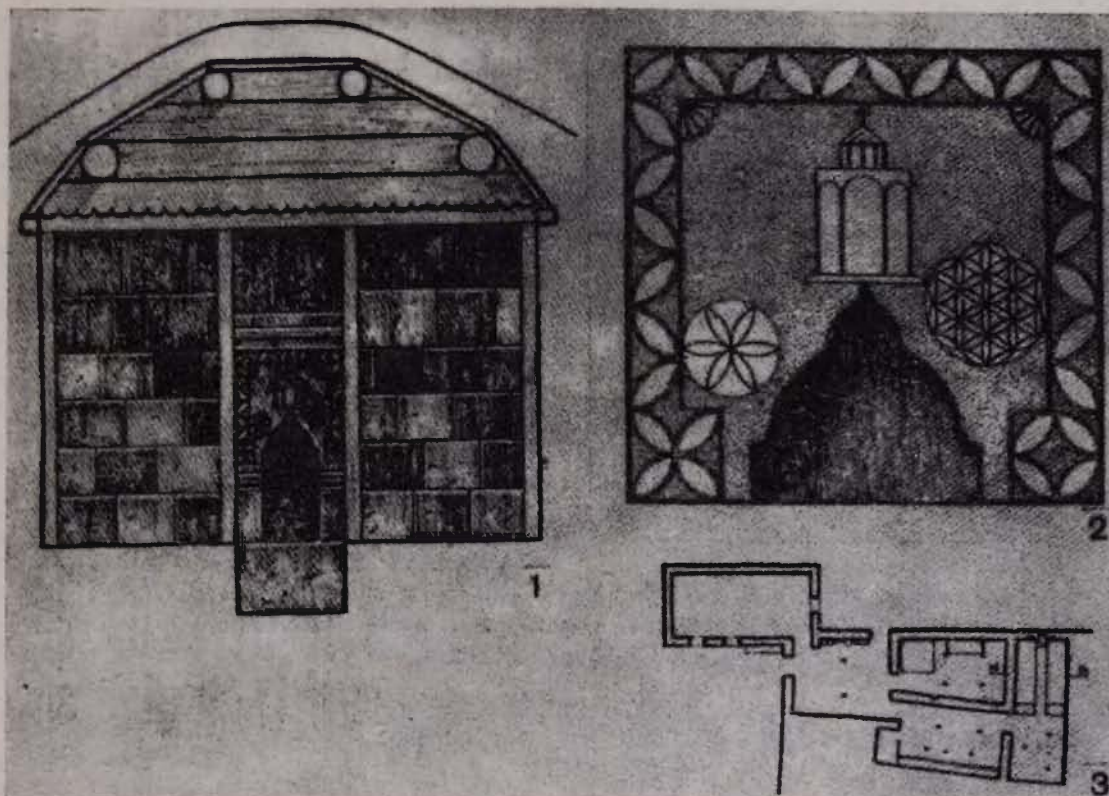

Рис. 6. «Ода» в комплексе традиционного жилища: 1—разрез по фасаду; 2—разрез бухарика с фрагментами орнамента; 3—общий план «гома» вместе с «ода» (Апаранский р-н, с. Цахкаовит, «ода» Акопа Бесаляна).

Для раскрытия сущности исследуемого института заслуживает внимания тот факт, что «ода» или «саку»—традиционное место собраний стариков—одновременно служила и парадно-гостевым помещением армянского жилища. Обычай гостеприимства четко прослеживается на всех стадиях существования мужских союзов: повсеместно помещение мужского дома одновременно служило и для собраний мужчин, и для приема гостей, своего рода гостиной. Как уже отмечалось, в конце XIX—начале XX вв. обычай гостеприимства продолжал стойко сохраняться не только в пережиточных формах мужских возрастных объединений армян, но и в их пов-

общины в целом. Показательно в этом отношении объяснение назначения «ода», данное Е. Саркисяном в его этнографическом описании армян историко-этнографической области Балух. Помимо отгороженной комнаты при хлеве, где в зимний период проводила время часть многочисленной семьи, саку (ода) служила также местом собраний (своего рода «залом» в современном понимании), где собирались сельчане для обсуждения и решения различных хозяйственных и общественных вопросов, связанных с жизнью своего села⁴².

⁴¹ Отметим, что в этот же период у ряда народов Средней Азии, в частности в Таджикистане, продолжали еще сохраняться специальные общественные дома-алоухона и мехмонхона для мужских собраний (Г. П. Снесарев, указ. раб., стр. 158—159, 173).

⁴² См. б. Ширин, *Ршн*, 527.

⁴⁰ Там же, № 112—Мартуни, Варденис, 1977 г., тетр. I.

Это же подтверждают и собранные нами полевые материалы. Так, например, на собраниях в «ода» старики выносили решение об организации помощи бедным сельчанам или же хозяевам, чьи строения или запасы сеиа пострадали от пожара, в случае пропажи у них скотины⁴³ и т. д. Если сельский сход выносил какое-либо важное решение, связанное с жизнью села (как, например, подведение родника от сельского кладбища к территории села в с. Верин Геташен Мартунинского района в середине 30-х годов), его затем доводили до сведения односельчан через все «ода», где собирались старики⁴⁴.

Широкое общественное назначение «ода» находило свое проявление и в том, что нередко в больших «ода» устраивались свадьбы односельчан (как, например, в указанной выше Грей Галусты ода в с. Вардаблур Апаранского района), происходили выступления прибывшего из другого села или же города гусана (ашуга) и т. п. мероприятия, требующие стечения большого количества народа. На эту функцию «ода» указывали многие из наших информаторов старшего поколения⁴⁵.

С течением времени, под влиянием изменений в социально-экономической жизни армян, традиционное место собраний стариков претерпевало существенные изменения как в своем основном общественном и хозяйственном назначении, так и конструкции и всем общем облике. В своем первоначальном виде «ода» до нас не дошли. Они либо совсем разрушились и вышли из строя, либо их переделали, соединив с «гомом» и превратив в подобное хозяйственное помещение или же отделив в жилую комнату—«отах».

Перестройка же всего уклада сельской жизни после установления Советской власти в Армении, а также постепенное исчезновение традиционного национального жилища и замена его современными жилыми домами городского типа постепенно свели на нет общественную роль этих старинных помещений для собраний стариков. Функцию «ода»

⁴³ Так, например, в с. Арагац Апаранского района жилищная семья Хуршудянов «в голодные годы многих содержала и кормила в своей ода», АОЭ, № 66—Полевые материалы автора: Апаран, Спитак, 1971 г., тетр. I.

⁴⁴ См. там же, № 112—Мартуни, Варденис, 1977, тетр. I; отметим также, что здесь же нами зафиксирована организация помощи семьям фронтовиков.

⁴⁵ Весьма показателен тот факт, что в исследуемый период местом собраний стариков у узбеков также служила комната при хлеве-знихона (от таджикского зин-седло, хона-помещение); в местном произношении узбеков «зингхона» («Этнографические очерки узбекского сельского населения», М., 1969, стр. 127, а также личные сообщения Б. Х. Кармышевой, основанные ею на неопубликованных полевых материалах, за что автор приносит ей свою глубокую благодарность).

приняла на себя «*ош*» («отах») — жилая комната нового дома⁴⁶, куда стали собираться старики для своего времяпрепровождения. По объяснению многих наших стариков-информаторов, с того времени, как начался строить новые дома, местом их собраний стала служить «отах». Кроме этого, местом собраний стариков начали служить также клуб, изба-читальня, сельсовет, дом культуры и т. п. Выбор ими новых мест для собраний прочно вошел в быт и в одинаковой степени наблюдается во всех селах Армении вплоть до настоящего времени⁴⁷.

Следует, однако, подчеркнуть, что «ода» («саку») была основным, но не единственным традиционным местом собраний стариков возрастных групп. Местом их собраний могли служить также маслобойня, пекарня, церковная ограда, небольшой местный магазинчик-духан, площадь в центре села и т. п. Особенно в этом отношении показательно последнее из перечисленных мест — центральная площадь села. Так, в Аштараке старики собирались на площади, образуемой перекрестком центральной улицы села и дороги, ведущей в с. Ошакан⁴⁸; в Мегри (Заигезур) — на площади под двумя большими платанами у бассейна с водой⁴⁹. На центральной площади села старики собирались и во многих других районах⁵⁰; она была наиболее характерным местом собраний среди армян Нагорного Карабаха. Об этом же свидетельствует и обозначение собраний данной возрастной группы в ряде селений Шушинского района: *շինիշ* («шнамач»), буквально «в середине, в центре поселения (села)»⁵¹.

Высокая роль центральной площади — места сосредоточения всей общественной жизни и обсуждения и решения важнейших вопросов — имеет давнюю традицию не только у армян⁵², но и у многих других народов⁵³. Как можно видеть, перечисленные места собраний стариков у армян нельзя считать слу-

⁴⁶ От турецкого *otak* (gⁱ) — шатер, палатка (Д. А. Магазаник, Турецко-русский словарь).

⁴⁷ Это подтверждают как все собранные нами полевые материалы, так и сведения, записанные рядом собирателей-любителей, см. АОЭ, № 45—Գ. Գևորգյան, указ рук., тетр. 5, стр. 102.

⁴⁸ См. там же, тетр. 2, стр. 158; Эта небольшая площадь, обсаженная пинами (по арм. *պինի* — «урепия»), здесь называлась *պարտեզ* — «уруц».

⁴⁹ См. Ст. Д. Лисициан, Очерки этнографии дореволюционной Армении, стр. 204, 245.

⁵⁰ См. Ե. Լալայան, Վերին գետ, ԱԶ, հ. II, 1898, էջ 26, 27.

⁵¹ См. АОЭ, № 106—Полевые материалы автора: Нагорный Карабах, 1970 г., тетр. 2.

⁵² См. Սովետական հայկական հանրագիտություն, 1913, ք. III, գլ. LXIV. LXV.

⁵³ См. К. В. Тревер, указ. раб., стр. 73; Х. Хашаев, указ. раб., стр. 226 и др.

чайными: все они в той или иной степени несли определенную общественную значимость в жизни села или города. В этой связи в параллель к собраниям стариков у армян значительный интерес представляет осетинский и дагестанский (лакский) материал. Осетинский «ныхас» (специальное место собраний стариков и в то же самое время — своеобразный орган управления) имел большое значение в общественной жизни осетин вплоть до недавнего времени, поскольку на нем решались вопросы, касавшиеся всего общества или отдельных его членов. Имел он и немаловажное воспитательное значение⁵⁴. Функцию, аналогичную осетинскому «ныхасу», у лакцев выполняла «курча» — достаточно благоустроенное и просторное место, служившее не только для собраний стариков, но и решения всех хозяйственных, политических и бытовых вопросов лакского общества. Эти «постоянные сходбища» С. И. Габиев определил как общественные клубы, где происходило решение и обсуждение различных жизненно важных вопросов каждого жамаата (квартала) аула, осуществлялось общественное воспитание молодежи, справлялся траурный обряд по умершим, проводили свободное время старики⁵⁵.

Для характеристики фиксированного места собраний возрастной ступени стариков, а в более широком аспекте — и самого этого института представляет интерес связанная с этими собраниями терминология. Наиболее распространенным у армян было наименование *oda hushbi* («ода ныстел»), буквально — «сидеть в ода», употреблявшееся во многих районах Восточной (Артик, Апаран, Мартуни, Варденис и др.), а также Западной Армении (Алашкерт, Васпуракан и др.), как и за ее пределами (Джавахи). Однако, наряду с ним, довольно широко был распространен и термин *sharbi hushbi* («саку ныстел»), буквально «сидеть на саку»⁵⁶ — особенно среди армян, проживающих в Западной Армении, а также переселенцев оттуда на территорию Советской Армении (Арагат, Нор-Ваязет и др.) и в ряде селений Нагорного Карабаха. В некоторых же случаях в разных селениях одного и того же района применялось одно или другое из названий, как, например, «ода ныстел» в с. Хачик и «саку ныстел» в с. Гишик Ехегнадзорского района⁵⁷. В других же

местах, как, например, в Джавахке, употреблялись равнозначно оба эти термина, несмотря на то, что здесь для обозначения собраний как стариков, так и мужской холостой молодежи оставался в употреблении и литературный термин «ныстаран»⁵⁸. Среди персидских армян и их переселенцев в Советскую Армению собрания стариков назывались *shirish* («миана») (Арагатская долина, с. Малншка Ехегнадзорского района⁶⁰). Заметим, что этим же термином «миана» назывались собрания стариков и у курдов Армении⁶¹. Среди армян Нагорного Карабаха был в употреблении и термин *shirish shibi* («гяладжп анэл»), дословно «разговаривать»⁶²; у армян Шатаха для всех возрастных групп — *qrig* («эриц») или *shirish* («согбат») — «беседа». Все перечисленные выше термины весьма определенным образом отражают характер собраний возрастного объединения стариков у армян. Весьма примечательно, что наименования собраний стариков сохранялись в исследуемый период и у ряда других народов Кавказа: по-адыгейски их называют «хас», по-кабардински — «хасэ», по-хевсурски — «сапехно», по-абхазски — «аусхварта», буквально «место говорения (т. е. обсуждения) дел», по-кумыкски — «йивана гелле» — буквально «идти на беседу»⁶³; горцы Дагестана (аварцы) — «годекан»⁶⁴. К ним же относятся и упоминавшиеся несколько выше осетинский «ныхас» и лакский «курча» (на одном из даргинских говоров «кумасы»).

Анализируя возрастную ступень холостой молодежи, мы уже останавливались на вопросе о том, что мужские объединения сверстников у армян организовывались по квартальному принципу. Не повторяясь, подчеркнем лишь, что этот традиционный порядок в равной степени относился и к собраниям стариков, о чем свидетельствуют полевые материалы во всех зафиксированных нами районах⁶⁵.

Полевой материал выявляет и иную закономерность объединений данной возрастной ступени: в большинстве случаев у армян

⁵⁴ См. ф. *hushshirish*, указ. раб., стр. 10—11.

⁵⁵ *Ushish* — ср. с перс. «мийане» — середина, период, время («Персидско-русский словарь», сост. В. В. Миллером, М., 1960).

⁶⁰ См. Ю. Мкртчян, Формы скотоводства в Восточной Армении, стр. 31; АОЭ, № 73. Указ полевые материалы автора.

⁶¹ См. К. Хачатуров, Курды, черты их характера и быта, СМОМПК, вып. XX, стр. 68.

⁶² См. АОЭ, № 106 — Полевые материалы автора: Нагорный Карабах, 1970 г., тстр. 1—2.

⁶³ Личные сообщения Л. И. Лаврова, Ш. Д. Инал-Ипа, С. Ш. Гаджиевой.

⁶⁴ См. Х. Хашаев, указ. раб., стр. 226.

⁶⁵ См. указ. выше полевые материалы автора.

⁵⁴ См. Б. А. Калоев, указ. раб., стр. 173—174.

⁵⁵ См. неопубликованный очерк С. И. Габиева, предоставленный в наше распоряжение Л. И. Лавровым, за что автор приносит ему свою глубокую благодарность.

⁵⁶ *Ushbi* — «саку», от турецк. *seki* — лавка, возвышенное место для сидения (Д. А. Магазаник, Турецко-русский словарь).

⁵⁷ См. АОЭ, № 73 — Полевые материалы автора: Азизбеков, Ехегнадзор, 1972 г., тетр. 2.

выявляется тенденция к постоянству мест собраний стариков. В Апаране, Артинке, Арапате, Мартуин, Варденисе, Шатахе, Айоц-дзоре, Джавахке и других районах старики обычно в течение всего сезона собирались в одной и той же «ода» («саку»). Довольно часто данная «ода» могла служить этой цели даже по несколько лет подряд, если только между ее хозяином и участниками собраний были хорошие отношения, не возникали какие-нибудь недоразумения (ссоры, обиды и т. п.) или не происходило несчастья в семье хозяина дома.

Данные письменных и полевых источников относительно внутреннего самоуправления в возрастной ступени стариков весьма отрывочны и неполны (в отличие от материалов по группе холостой молодежи). Однако даже эти немногочисленные сведения позволяют сделать определенные, не лишние выводы. Выясняется, что по традиции самый авторитетный, уважаемый, почетный, мудрый и самый старший по возрасту из стариков являлся как бы руководителем данного мужского объединения. Специального наименования, как и процедуры избрания его, в исследуемый период у армян не зафиксировано, но сам принцип стихийного выдвижения за личные вышеприведенные качества представляется весьма характерным для оценки возрастной группы стариков, и, на наш взгляд, является подтверждением арханчпости мужских объединений армян, равно как и многих других народов. Об этом свидетельствуют пережиточные формы собраний стариков у армян Джавахка⁶⁶, а также Вайоц-дзора: здесь самый старший по возрасту и уважаемый из стариков являлся «старшим братом»⁶⁷. У армян Нагорного Карабаха глава данной возрастной группы — *hshshshsh* («пахпет») или *shshshshsh* («аксахкал») — выдвигался из среды своих сверстников па тех же началах и выполнял эту роль пожизненно, причем каждая группа стариков, собиравшаяся отдельно, имела своего пахпета (Шушинский район)⁶⁸. Отметим также, что термин «аксахкал» (старик, старшина, староста, выборный)⁶⁹ эквивалентен упомянутым выше армянским «алевор» и «спитак морук», дословно «белобородый»; он применялся армянами к мужчинам старшего поколения и в повседневной жизни. По аналогии с группой холостой молодежи можно предположить, что в более ранний период глава, руководитель возрастного объединения стариков, по видимому, мог избираться общим собранием

всех его членов, однако подобными данными мы не располагаем.

Для собраний стариков у армян не имел существенного значения классовый принцип избрания руководства, столь явно проявляющийся в этот же период в возрастных объединениях мужчин у народов Средней Азии⁷⁰.

Одним из основных принципов собраний мужских объединений стариков являлось обособление их от других половозрастных групп, и в первую очередь, — от женской половины общества. Известно, что табуация мужских объединений для женщин характерна для всех стадий развития мужских союзов, в том числе — их реликтовых форм. У армян этот принцип особенно стойко соблюдался в отношении возрастной группы стариков. Относящийся к различным районам Армении полевой материал свидетельствует, что женщинам и девушкам приходило па собрания стариков запрещалось. Это считалось большим стыдом, даже позором для них. В лучшем случае они могли слушать рассказы стариков, стоя в сенях или в одном из темных уголков «гома» и стараясь быть незаметными. По объяснению одного из стариков-информаторов, «как женщина могла прийти на саку (в ода), если там сидели ее свекр, деверь, «кавор» и другие мужчины, с которыми ей предписывалось соблюдать «обычай избегания»⁷¹.

Однако в исследуемый нами период эта табуация в ряде случаев стала нарушаться. Согласно показаниям некоторых информаторов, во время собраний стариков женщины и девушки могли находиться в «ода», располагаясь, однако, ближе к выходу. Это в особенности касалось тех случаев, когда в «ода» приходил гусап (ашуг) из другого села или города. Возможность нарушения дедовского обычая была связана с тем, что сам обычай собраний стариков у армян в конце XIX — начале XX вв. существовал в пережиточных формах и утратил ряд своих основных черт, в том числе — принцип их строгой обособленности, изоляции от других половозрастных групп. Одновременно это служит свидетельством различной степени сохранности исследуемого нами института в разных историко-этнографических районах Армении в рассматриваемый период.

На вопросе взаимоотношения возрастной группы стариков и мужской холостой молодежи мы довольно подробно остановились в гл. I. Здесь же подчеркнем лишь следующее. В тех районах, где существовали обособленные и самостоятельные формы отдельных мужских объединений холостой молодежи и

⁶⁶ См. ф. *hshshshsh*, указ. раб., стр. 11.

⁶⁷ АОЭ, № 73 — Полевые материалы авторов: Ехегнадзор, 1972 г., тетр. 2.

⁶⁸ См. там же, № 106 — Нагорный Карабах, 1970 г., тетр. 2.

⁶⁹ См. В. Даль, Толковый словарь, т. I.

⁷⁰ См. С. М. Мирхасилов, указ. раб., стр. 115.

⁷¹ См. АОЭ, № 107 — Полевые материалы автора: Арапат, 1970 г., тетр. I.

стариков (Шатах, Васпуракан, Джавахк, Вайоц-дзор и др.) не могло быть и речи не только об участии, но даже о присутствии молодежи на собраниях стариков: по утверждению некоторых информаторов, парня, осмелившегося прийти на собрание стариков, имели даже право побить⁷²—«какое им было дело до старших!»⁷³ и т. п.

Там же, где сохранялись смешанные по составу мужские возрастные объединения (Апарап, Спитак, Мартун, Варденис и др.), речь шла фактически лишь о присутствии молодежи в качестве слушателей и зрителей на собраниях старшей возрастной группы⁷⁴. Но даже сам факт ее пассивного участия заслуживает внимания; он отражает не только тенденцию нарушения традиционного обычая, но также свидетельствует о различной степени сохранности его в различных историко-этнографических районах Армении в исследуемый период.

Завершая анализ обычая собраний стариков у армян в целом, необходимо указать, что в конце XIX—начале XX вв., они, на первый взгляд, имели форму проведения досуга. Собираясь вместе в долгие зимние вечера, старики делились воспоминаниями, интересными эпизодами из собственной жизни или из жизни общины, рассказывали различные истории, предания, сказки, отрывки из народного эпоса; играли в карты, шахматы; грамотные из крестьян читали вслух кингу (так, один из наших информаторов вспоминает, как у них в «ода» в с. Верин Гетапен читали «Гикора» Ов. Туманяна⁷⁵) и т. п. Нередко специально приглашали талантливых рассказчиков или сказителей, в том числе и женщин, преимущественно старух⁷⁶. Бывали случаи, когда старики подшучивали друг над другом, стараясь нарочно рассердить своего товарища, чтобы потом повеселиться, посмеяться над ним; при этом, случалось, отпускались довольно непристойные шутки и выражения. В ряде районов нередко вскладчину собирали деньги, на которые покупали водку, из дома приносили кур и другие продукты и устраивали дружескую пирушку⁷⁷. В этом аспекте собрания стариков имели форму проведения досуга, времяпрепровождения, явля-

ясь своего рода «посиделкам», на которых мужчины старшего поколения коротали время в беседах.

Но при ближайшем рассмотрении довольно четко проступает другая, более архаическая черта этих собраний. Они служили той организацией, где возрастная группа самого старшего поколения (и нередко вместе с ними и пожилые) обсуждали и решали многочисленные хозяйственные и общественные вопросы из жизни своей общины, достоинства или недостатки того или иного работника, важные сельские новости и т. п. Именно в этом аспекте был высок общественный престиж группы стариков и, в частности, их собраний. В системе общественного управления мужские возрастные объединения стариков представляли у армян тот совещательный орган, на авторитет и опыт которого опирались не только односельчане, но, что более важно, и местные органы власти, как, например, сельский старшина при разбирательстве и решении различных споров, тяжб или судебных дел.

Это был своего рода «совет старейшин», выступающий не только инициатором и организатором важнейших мероприятий общинной жизни, но и формировавший общественное мнение⁷⁸.

Наряду с этим, велика была роль стариков и в передаче всего своего жизненного опыта молодому поколению. Своим участием на собраниях холостой молодежи, беседам и рассказами как на собраниях в «ода», так и в повседневной жизни, нередко и личным примером, старики воспитывали подрастающее поколение, обучали всему, что знали сами—трудовым навыкам, любви к труду, порядку, необходимому этикету, нормам поведения и взаимоотношений молодежи с членами других половозрастных групп и т. п. У армян, как и у других народов, на старшее поколение возлагалась ответственная и важная задача приобщения молодежи к местной традиционной культуре, поскольку именно сверстники данной возрастной ступени (и старики, и старухи) повсеместно являются хранителями всего наследия своей материальной и духовной культуры и наиболее стойкими приверженцами ее традиций. Сохраняя это многовековое наследие и передавая его молодому поколению, старшая возрастная группа сверстников тем самым выполняла в системе возрастной градации весьма важную и определенную функцию «социальной памяти коллектива».

⁷⁸ Отметим, что эту же функцию совета старейшин выполняла возрастная группа стариков и у многих других народов Кавказа. См. Х. Хашаев, указ. раб., стр. 299; С. Ш. Гаджиева, указ. раб., стр. 285; И. Саидов, Чечено-ингушские карлаги, СЭ, 1964, № 2, стр. 127, и др.

⁷² См. там же, № 73—Азизбеков, Ехепадзор, 1972 г., тетр. 2 и др.

⁷³ См. там же, № 107—Арапат, 1970 г., тетр. I.

⁷⁴ В подобных случаях они должны были держаться на собраниях стариков обособленно, причем, не сидеть, а стоять у стен ближе к выходу.

⁷⁵ См. АОЭ, № 112—Полевые материалы автора: Мартун, Варденис, 1977 г., тетр. I.

⁷⁶ Такой сказительницей среди армян Нагорного Карабаха считалась, например, Теллу Тозаян (с. Ехцавох Шушинского района), которая скончалась в 1965 г. в возрасте 90 лет; АОЭ, № 106 за 1970 г., тетр. 2.

⁷⁷ См. там же, № 112.